

ПЕТРОГЛИФЫ ЦИНХАЯ *

В статье дается краткий анализ и проводится обобщение материалов петроглифических памятников китайской провинции Цинхай. Наиболее характерные сюжеты сравниваются с аналогами из других областей КНР, российского Горного Алтая, Монгольского Алтая, Тибета. Кроме того, выдвигаются предположения о значении Цинхая для распространения петроглифических традиций Южной Сибири на территории современного Китая.

Ключевые слова: Цинхай, петроглифы Китая, северная петроглифическая традиция, яки, геральдические животные, синкретические изображения, свастика противосолонь, колесничные сюжеты.

Провинция Цинхай – одна из крупнейших административных единиц Китая – расположена в западной части страны и граничит с Синьцзян-Уйгурским и Тибетским автономными районами, провинцией Ганьсу и в юго-восточной части – с провинцией Сычуань. Основную часть территории Цинхая занимают горы и плоскогорья, где преобладают горные степи и полупустыни. Подобные условия способствовали тому, что основным занятием местного населения являлось отгонное скотоводство. На протяжении тысячелетий Цинхай являлся частью кочевого мира Центральной Азии – достаточно обособленной в силу географических факторов, но отнюдь не изолированной.

Изучение наскальных рисунков Цинхая китайскими археологами началось только в 80-е гг. прошлого века: первая статья по данной теме опубликована в 1982 г., а абсолютное большинство рисунков зафиксировано в ходе обследования горных районов Цинхая в течение 1985–1988 гг. совместным отрядом провинциального Института археологии и Пекинского педагогического университета [Тан Хуйшэн, 2003. С. 120]. На момент сдачи в печать обобщающей монографии по этой теме [Тан Хуйшэн, Чжан Вэньхуа, 2001] на территории провинции насчитывалось 13 обследо-

ванных и описанных местонахождений. Все они, за одним исключением, находятся в восточной части провинции, к западу от оз. Кукунор. Один памятник расположен намного дальше, к западу от г. Голмуд. Примечательно, что все местонахождения расположены ближе к северу провинции, в удалении от Тибетского горного массива.

Актуальность исследования петроглифов Цинхая (как и любой другой контактной зоны) обусловлена тем, что данная категория археологических памятников «самостоятельно не перемещается». В качестве таковой она фиксирует присутствие (перемещение) групп населения, которым присущи данные сюжеты и стилистические особенности. Поэтому если возникает возможность выделить эпохальные и региональные стили или локальную специфику для данного региона, то это представляет значительный интерес в более широком контексте наскального искусства Центральной Азии.

Памятники на территории Цинхая (Енюгоу, Лушань, Шэбуци, Бали, Халун, Хуайтоутала, Чжунбутань, Хэлиму, Цецзи, Хайсигоу, Бахамолигоу, Сюцзи и Тяньпэн) заметно различаются по хронологии, насыщенности и содержанию. Все местонахождения расположены на высоте 3 300–3 900 м над уровнем

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 05-01-01190а.

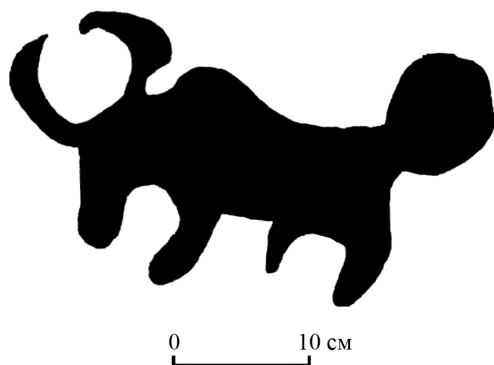

Рис. 1. Изображение яка из местонахождения Чжунбутань (по: [Тан Хуйшэн, Чжан Вэньхуа, 2001. С. 53, рис. 150])

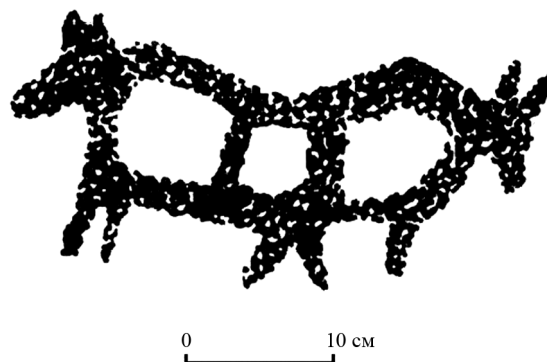

Рис. 2. Изображение «тянитолка» из местонахождения Лушань (по: [Тан Хуйшэн, Чжан Вэньхуа, 2001. С. 41, рис. 99])

моря. Китайские исследователи условно относят их к северной петроглифической традиции. Для нее характерна техника выбивки и гравировки изображений, а основными сюжетами являются сцены охоты, скотоводческой деятельности, изображения животных и различные символы [Гай Шаньлинь, 1983. С. 12 предисл.].

Все памятники Цинхая, действительно, созданы в русле единой традиции. Помимо схожей техники и стилистики, общими являются и сюжеты. Среди многочисленных изображений животных почетное место занимают яки, причем большей частью дикие, о чем свидетельствует форма рогов, повернутых остриями внутрь, а не назад, как у домашних животных [Сицзан каогу, 1991. С. 114]. Впрочем, исследователи не обращали на эту деталь специального внимания, поэтому в ряде случаев, глядя на иллюстрации, невозможно с уверенностью сказать, куда повернуты рога у животных. У некоторых яков (например, ил. 131, 145, 148, 150¹) гипертрофированно большие хвосты (рис. 1). Аналогичные рисунки известны на плато Укок – они были выявлены одним из авторов статьи [Молодин, Черемисин, 2007. С. 95, рис. 6].

Среди других изображений животных преобладают лошади и горные козлы. Есть изображения оленей, двугорбых верблюдов, кабана, змеи, а также значительное количество собачьих и кошачьих хищников. В Енюгоу обнаружено несколько однотипных силуэтов птиц (например, ил. 13, 14, 38), которых исследо-

ватели местонахождения определяют как орлов. Любопытно изображение из Бахамолигоу (ил. 194): китайские археологи уверенно интерпретируют его как слона! Впрочем, в свете географического расположения памятника, подобное утверждение представляется более чем сомнительным.

В отдельную группу можно выделить синкретические изображения животных, где смешиваются характерные признаки крупного рогатого скота и оленей (ил. 90, 167). Многочисленные аналогии подобным рисункам известны как на Монгольском Алтае [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005. С. 598], так и в российском Горном Алтае, в частности, в Калбакташе. Не менее интересны и так называемые «тянитолка», или «геральдические» животные – с одним туловищем и двумя головами, смотрящими в разные стороны (рис. 2). Подобным изображениям имеется целая серия соответствий среди петроглифов Монгольского Алтая [Там же. С. 602].

Единичные изображения яков и кошачьих хищников на ил. 69, 88, 92, 94, 159 украшены изгибами и волнообразными завитками. Эта изобразительная традиция, во всей своей красоте проявившаяся в искусстве ранних кочевников Южной Сибири и Центральной Азии, в схожем «сдержанном» виде известна также в петроглифах севера и запада Тибета, где подобные украшения присутствуют на телах яков, горных баранов и благородных оленей [Черемисин и др., 2006. С. 250]. Подобные реминисценции дают очередной повод задуматься о маршрутах прямых контактов и межкультурного взаимодействия древних кочевников Центральной Азии.

¹ Здесь и далее номера иллюстраций относятся к монографии [Тан Хуйшэн, Чжан Вэньхуа, 2001. С. 14–63].

Среди сюжетов с участием антропоморфных персонажей (их сравнительно немного) преобладают сцены охоты, которые, впрочем, не всегда удается интерпретировать однозначно. Так, в группе изображений в Енюоу (ил. 43) китайские исследователи выделили сюжет с нападением «леопарда» на яка, определив ее как сцену терзания травоядного животного хищником, столь характерную для северного степного искусства, но выполненную на материале местной фауны. Впрочем, учитывая наличие поблизости вооруженных луками людей, а также оценив пропорции тела хищника, можно истолковать эту композицию скорее как сцену охоты с собаками (рис. 3). Иные сюжеты с участием людей представляют сцены, интерпретируемые как танцы и сцены совокупления, в том числе с животными – яками. Композиция с двумя фаллическими фигурами лучников, противопоставленных один другому и соприкасающихся луками, которое китайские археологи интерпретируют как сцену единоборства (рис. 4), находит сюжетные центрально-азиатские аналогии [Черемисин, 2002].

Особый интерес представляют два сюжета, возможно, имеющих астрально-мифологическое содержание. На одном рисунке, обнаруженном в Енюоу, изображена антропоморфная фигура в сложном головном уборе, держащая в поднятой руке птицу. Вверху слева от фигуры изображен перевернутый полумесяц и круг (солнце? полная луна?), внизу справа – двугорбый верблюд (рис. 5). Впрочем, помимо вероятной связи с мифологическим сюжетом, рисунок может отражать практику охоты с ловчими птицами, которая до сих пор распространена в Азии. Возможна и другая трактовка, предложенная исследователями местонахождения: на рисунке – «шаман» во время исполнения какого-то ритуала.

Другой рисунок – единственное изображение, открытое в местонахождении Бали, – интересен тем, что над многофигурной композицией, в которой представлены собачьи хищники, олень, антропоморфные фигуры и фантастические либо неопределяемые животные, находятся две свастики противосолонь, круг (солнце) и полукруг (полумесяц) (рис. 6). Подобная комбинация символов (солнце + полумесяц + свастика) периодически встречается на севере и западе Тибета (например, в уездах

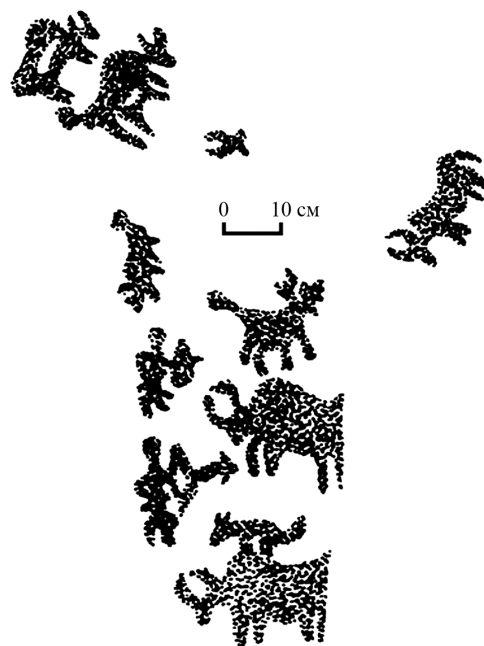

Рис. 3. Сцена охоты с собаками (рассматривается авторами находки как сцена терзания) из местонахождения Енюоу (по: [Тан Хуйшэн, Чжан Вэньхуа, 2001. С. 25, рис. 43])

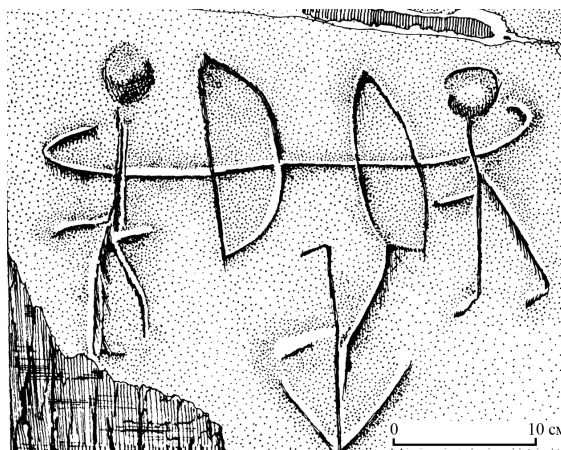

Рис. 4. Изображение лучников из местонахождения Лушань (по: [Тан Хуйшэн, Чжан Вэньхуа, 2001. С. 33, рис. 62])

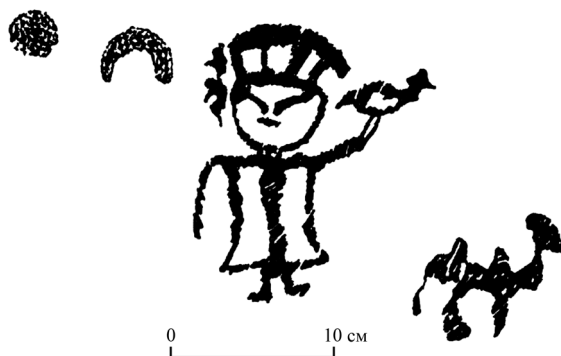

Рис. 5. Изображение «шамана» с птицей из местонахождения Енюоу (по: [Тан Хуйшэн, Чжан Вэньхуа, 2001. С. 20, рис. 27])

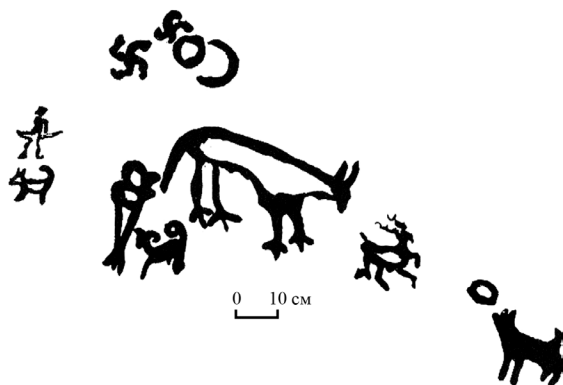

Рис. 6. Сложная композиция, в том числе содержащая свастики, из местонахождения Бали (по: [Тан Хуйшэн, Чжан Вэньхуа, 2001. С. 44, рис. 107])

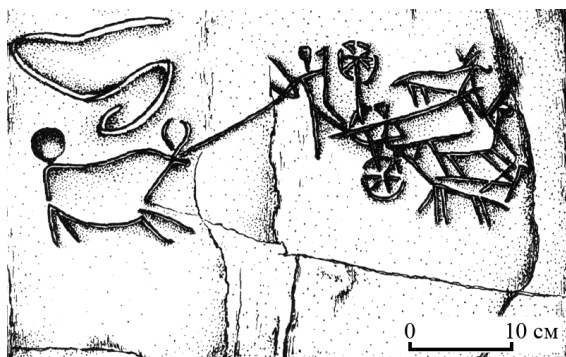

Рис. 7. Изображение колесницы (охоты с колесницы) из местонахождения Лушань (по: [Тан Хуйшэн, Чжан Вэньхуа, 2001. С. 32, рис. 61])

Рутог, Шанца, Байнгойн, Дамшунг [Черемисин и др., 2006. С. 252]. Изображения солнца (на одном) и свастики (на другом рисунке) встречаются также на двух разных петроглифах из Хуайтоутала (ил. 125, 129). Изображения «обратной» свастики связывают с религией бон и культом огня [Даньчжу Анбэнь, 2000. С. 326]. Это может означать, что Цинхай, по всей видимости, также входил в зону естественного формирования, то распространения древней тибетской религии.

И, наконец, наибольшего внимания заслуживают колесничные сюжеты, представленные на памятниках Енюогу (группы рисунков Y1 : 25, Y1 : 34, Y1 : 36), Шэбуци (группа S1) и особенно эффектно – в Лушань (группа L1).

На обширной (8 × 10 м) писанице L1 в Лушань, в состав которой входит несколько десятков рисунков, в центральной части имеется сразу три изображения двухколесных колесниц (ил. 60). Одна из повозок запряжена двумя животными. У второй, запряженной

аналогично, отсутствует одно из боковых колес – возможно, изображение не было закончено. Возничих на этих колесницах нет. Третья колесница запряжена тремя лошадьми. Стоящий на ней человек вонзает копье (?) в голову яка. Отлично передано сопротивление, напряжение животного – як упирается в «землю» далеко вытянутыми передними ногами (рис. 7).

В группе изображений из Шэбуци, представленных на ил. 104, колесница передана схематично. Значительно более подробно прорисована повозка, также с двумя лошадьми, на рисунке из Енюогу (ил. 46). При этом, насколько можно судить по прорисовкам, животные не запряжены в повозку, их можно интерпретировать как лежащих на боку рядом. Еще два рисунка из этого местонахождения (ил. 35, 44) трактуются как незавершенные изображения колесниц.

Что касается хронологии цинхайских петроглифов, то первоначально китайские исследователи были склонны датировать все рисунки местных памятников одним и тем же временем – около 1000 лет до н. э. [Тан Хуйшэн, 1994. С. 124]. Позднее были привлечены современные методы датирования и интерпретации петроглифов, в частности, способ определения даты по микроэрозии. Сначала этот метод проверялся на контрольных памятниках исторического периода, после чего был применен на более ранних объектах. В итоге петроглифы Лушань, Тяньпэн и Енюогу датируются возрастом, соответственно, около 2000, 2300 и 3200 лет назад [Тан Хуйшэн, Чжан Вэньхуа, 2001. С. 185–189]. Однако даты, полученные таким образом, вызывают определенное сомнение, поскольку, определенные на нескольких конкретных объектах, они распространяются на весь памятник, который трактуется как созданный примерно в одно время. Последнее утверждение вызывает большие сомнения, так как, например, рисунки Енюогу различаются по технике нанесения и по содержанию. Также неприемлемо датировать рубежом эр лушаньские колесницы.

В целом, говоря о петроглифах Цинхая, можно отметить некоторые общие черты и с наскальными рисунками Тибета, и с петроглифами Синьцзянского, Монгольского и российского Горного Алтая. С Тибетом цин-

хайские писаницы сближает основное содержание рисунков – воспроизведение местных животных: яков, горных козлов, лошадей, собакоподобных хищников; а также символы в виде свастики, полумесяца и солнца. Однако изображений колесниц в Тибете нет – это достаточно распространенный сюжет для более северных районов – Синьцзянского, Монгольского Алтая и гор Иньшань [Черемисин, Борисова, 1999]. Нельзя не отметить также

большое сюжетное и отчасти стилистическое сходство «дуэльных» сцен, а также синкретических животных и «тянитолкаев» Цинхая и Монгольского Алтая (рис. 8). При этом не приходится говорить о каких-то общих чертах цинхайских писаниц с петроглифами южных районов Китая – а такую близость можно было бы предположить, учитывая, что Цинхай граничит с достаточно богатой петроглифами провинцией Сычуань.

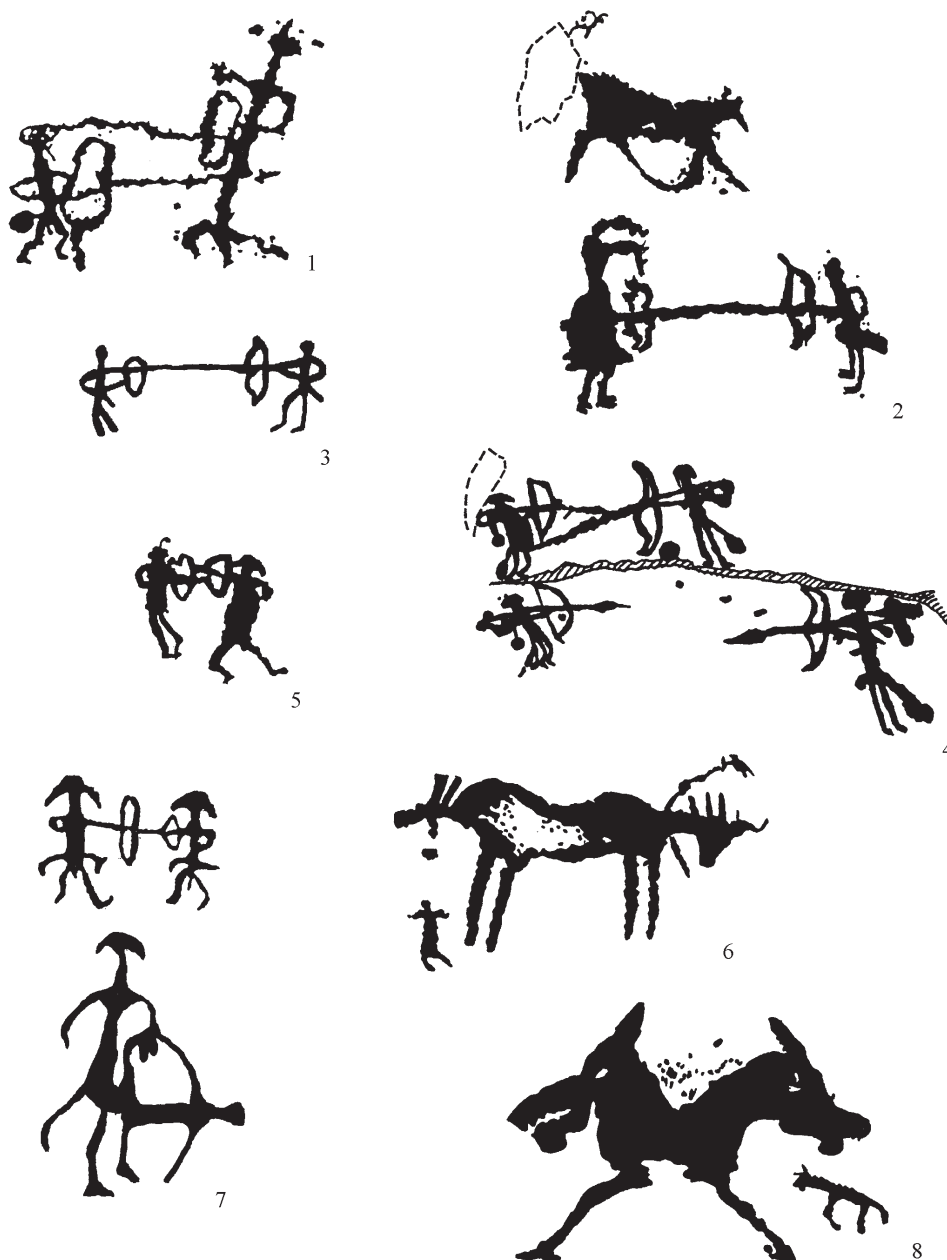

Рис. 8. Монгольские аналогии петроглифам Цинхая (рисунки даны не в масштабе):

1 – Цагаан-Салаа-IV (по: [Кубарев, Цэвэндорж, Якобсон, 2005. С. 271, № 535]); 2 – Цагаан-Салаа-I (по: [Кубарев, Цэвэндорж, Якобсон, 2005. С. 163, № 68]); 3 – Баян-Лиг (по: [Черемисин, 2002. С. 92, табл. III, 3]); 4 – Бага-Ойгур-IV (по: [Кубарев, Цэвэндорж, Якобсон, 2005. С. 473, № 1329]); 5 – Бага-Ойгур-II (по: [Кубарев, Цэвэндорж, Якобсон, 2005. С. 356, № 877]); 6 – Паалуу (по: [Черемисин, 2002. С. 91, табл. I, 5]); 7 – Бага-Ойгур-III (по: [Кубарев, Цэвэндорж, Якобсон, 2005. С. 386, № 1007]); 8 – Бага-Ойгур-I (по: [Кубарев, Цэвэндорж, Якобсон, 2005. С. 334, № 789])

Пока сложно предполагать, могли ли Цинхай служить одним из «коридоров» продвижения петроглифической традиции древних кочевников Южной Сибири (например, со стороны Монгольского Алтая) в Тибет. Учитывая отдаленность памятников с рисунками Цинхая от аналогичных местонахождений Тибета, а также отсутствие в тибетских петроглифах тех «северных» мотивов, которые прослеживаются в рисунках Цинхая (при этом в Тибете реализованы другие реминисценции изобразительной традиции пояса степей), представляется более вероятным предположение, что путь проникновения этой изобразительной традиции в Тибет пролегал западнее. Цинхай, вероятно, являлся при этом своеобразным «тупиком», окраиной, где в изобразительном искусстве проявлялось влияние традиций соседних регионов, но дальше оно не распространялось.

Список литературы

- Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск; Улан-Батор; Юджин, 2005. 640 с.
- Молодин В. И., Черемисин Д. В. Петроглифы Укока // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 4. С. 91–101.
- Черемисин Д. В. К интерпретации «эротических» сюжетов в наскальном искусстве Центральной Азии // Первобытная археология. Человек и искусство: Сборник научных трудов, посвященный 70-летию со дня рождения Якова Абрамовича Шера. Новосибирск, 2002. С. 90–94.
- Черемисин Д. В., Борисова О. В. Колесный транспорт в наскальных изображениях Синьцзяна и Внутренней Монголии // Евразия: Культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 1999. Вып. 2. С. 129–134.
- Черемисин Д. В., Прокофьева И. В., Комиссаров С. А. Петроглифы Тибета // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2006. Т. 2, вып. 3: Археология и этнография (приложение 2). С. 248–255.
- Гай Шаньлинь. Чжунго яньхуа [Петроглифы Китая]. Гуанчжоу, 1993. [Раздельная пагинация. Предисловие и индексы местонахождений: С. 1–24 предисл. (в том числе статья на англ. и кит. яз.: Гай Шаньлинь, Лоу Юйдун. Краткий очерк о наскальных рисунках Китая); основной каталог – С. 1–120 осн. каталога; описания местонахождений – без нумерации страниц]. (на кит. яз.)
- Даньчжун Анбэнь. Цзанцзу вэньхуа фачжань ши [История развития культуры тибетского народа]. Ланьчжоу, 2000. Т. 1, 2, 8, 4, 8. 660 с. (раздельная пагинация) (на кит. яз.)
- Сицзан каогу да ган [Основное содержание археологии Тибета] / Отв. ред. Хоу Шичжу. [Лхаса], 1991. Т. 11. 244 с. (на кит. яз.)
- Сицзан яньхуа ишу [Наскальное искусство Тибета] / Отв. ред. Сунь Сюэцзюнь. Чэнду, 1994. 172 с. (на кит. яз.)
- Тан Хуйшэн. Предварительное обсуждение некоторых образов животных на петроглифах Цинхая // Сицзан каогу [Археология Тибета]. Чэнду, 1994. Вып. 1. С. 109–125. (на кит. яз.)
- Тан Хуйшэн, Чжан Вэньхуа. Цинхай яньхуа [Петроглифы Цинхая]. Пекин, 2001. Т. 11. 280 с. (на кит. яз.)
- Тан Хуйшэн. Цин-Цзан гаюань гудай вэньхуа [Древняя культура Цинхай-Тибетского нагорья]. Сиань, 2003. 541 с. (на кит. яз.)

Материал поступил в редакцию 25.10.2007

S. A. Komissarov, D. V. Cheremisin, I. V. Prokof'eva

THE ROCK ART OF QINGHAI

In the article we summarize and analyze the results of investigations of rock art locations in Western Chinese province of Qinghai. The most typical subjects are compared with the similar images discovered in some other Chinese regions, Russian Gorny (Mountain) Altai, Mongolian Altai and Tibet. The suppositions about the place of Qinghai on the way of spreading the particular rock art traditions from the South Siberia to North China are made as well.

Keywords: Qinghai, rock art of China, northern petrogllyphic tradition, yaks, two-headed animals, syncretic images, counter-clockwise swastika, chariots